

НЕКОТОРЫЕ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

**(на примере теорий экономистов немецкой
и австрийской школ первой половины XX в.)**

Современная теория экономики иногда способна на поистине великолепные прозрения относительно поразительно разветвленной структуры экономики и чрезвычайно сложных экономических процессов, тем не менее во многих своих разделах и особенно в том, что касается своих основных понятий, она все еще несет на себе отпечаток, наложенный на нее ее происхождением: ведь она происходит из правил коммерческой и политической практики, ибо эта наука изначально вырастает из деятельной жизни. Это с самого начала было заметно в меркантилизме, с которого, собственно, и началась наша наука; но то обстоятельство, что характерные для него представления о деньгах и торговом балансе еще и сегодня ни «преодолены» (поскольку в силу их правильности их никак нельзя «преодолеть»), ни в полной мере теоретически осмыслены, означает, что мы и в настоящее время еще отнюдь не во всех отношениях поднялись над его сугубо практическим уровнем. Однако даже величайший теоретик-классик, Д. Рикардо, основывал свое учение лишь на определенных аспектах экономической практики — финансовом и торговом секторе экономики. Поэтому обмен и ценообразование были для него практически единственным предметом науки, а его теория есть не более чем частная теория, ведь она посвящена лишь этому аспекту экономической деятельности. В свою очередь, учение о предельной полезности знаменует, пожалуй, решающий прогресс в деле познания таких явлений, как стоимость и цена, но в том, что касается предмета науки, обоснования теории экономики как учения, занимающего определенное положение в совокупности общественных наук, она не может похвастаться какими-либо достижениями, а делящаяся в течение многих десятилетий методологическая дискуссия так ни к чему и не привела (несмотря на многочисленные Нобелевские премии в области экономики), в результате чего с настойчивой периодичностью появляется полный беспомощности призыв: «Назад к Рикардо».

Историческое направление, напротив, очень тонко чувствует глубочайшую несогласованность между исследованием, основывающимся на теории товарно-денежных отношений, и теми универсальными требованиями, которые стоят перед экономикой. Но эта школа ориентирована почти исключительно на историческую действительность, в результате чего она утрачивает непосредственную связь с самой наукой как таковой, со знанием как четкой конструкцией понятий, а такой конструкцией может быть лишь теория. Таким образом, историческое направление только усугубляет ту бедность и беспомощность, от которых страдала теория национальной экономики в силу своего односторонне теоретического характера, ибо ее богатство может проявиться в полной мере лишь тогда, когда она представляет собой науку о жизни и самых живых сторонах человеческого общества.

Эти недостатки экономической науки ощущаются как неисцелимая и вновь и вновь открывающаяся рана. А с другой стороны, как же сложно при столь сугубо практических настроях, которые с некоторых пор стали господствующими в ученых кругах (что, разумеется, зачастую достаточно опасно для науки, призванной служить чистому познанию), вернуться к чистой теории цен и товарно-денежных отношений! Именно сегодня наука, которая должна больше давать, чем получать, менее всего может вернуться к Рикардо, менее всего может оставаться чистой теорией цен и товарно-денежных отношений. Но, с другой стороны, она не сможет обрести фундамент и в исторических и реалистических исследованиях, ибо без строгой классификации основных феноменов, без понятийного аппарата непродуктивны как теоретическая работа, так и экономическая политика.

Очевидно, что этот беспорядок, эта путаница свидетельствуют о некоем фундаментальном кризисе, о кризисе, заграживающем первые понятия. Необходимый выход из этого кризиса может быть найден лишь благодаря прояснению основных понятий, которое станет одновременно и прояснением метода. Основные понятия теории экономики нельзя вывести посредством столь наивных и бессвязных действий, какие предпринимались для этого прежде (например, посредством анализа языковых выражений или тотальной математизации), они должны быть определены как элементарные составляющие экономики и их основные экспликации, образующие единое строение, вырастающее и разрастающееся из одного корня — понятия экономики. *Понятие экономики есть фундамент всей теории экономики*, фундамент, который должен быть заложен и укреплен в самую первую очередь.

Но чтобы понять, как должен быть поставлен вопрос о понятии экономики, мы должны рассмотреть все те основные вопросы, которые встают перед нами при исследовании экономики. *Всякая экономика подразумевает общество*; всякое исследование экономики подразумевает исследование общества. Поэтому и старый спор о методе в конечном счете всегда представляет собой спор об отношении экономики к обществу, об определении экономики как составной части общественной жизни. Сама по себе экономика — ничто, она есть лишь область в огромном царстве человеческого общества. Жизнь человека — это не только жизнь в обществе (по внешней форме, облику), но и жизнь, исходящая из общества (по своей сущности, внутренней форме). Поэтому теория экономики должна исходить оттуда, где возникает и откуда развивается ее предмет. Ее предмет — это экономика, истоком и способом бытия которой выступает общество: именно поэтому, что экономика осуществляется как часть каждой отдельной жизни, которая, как мы говорили, есть жизнь, исходящая из общества, жизнь, общественная по способу своего бытия. Лишь следуя по этому пути, теория экономики сможет уберечься, во-первых, от того, чтобы рассматривать в качестве своего предмета одну только практическую деловую жизнь и превращаться в бесцельную реалистическую индукцию, а во-вторых, от неестественного сужения области своих интересов до теории цен и товарно-денежных отношений, в результате которого предметом ее рассмотрения оказываются лишь отдельные субъекты экономической деятельности. От обеих этих опасностей ее оберегает исключительная полнота жизни общества, которое в своем богатстве и своей всеобъемлющей жизненности стремится быть чем-то большим, чем-то, что группируется вокруг одного-единственного центра, будь то цена или торговая деятельность.

Чем же в нашей жизни, а следовательно, и в человеческом обществе является экономика? Как из элементарных, зачаточных форм этой экономики развиваются ее основные феномены и основные формы, как возникает реальное, осязаемое тело экономики, как она превращается в материальную постройку, в теплую, пульсирующую жизнь? И наконец: какие классы понятий и какие методы в связи с этим определяют нашу науку и как исходя из этой ее методологической природы членился ее логическая структура?

Строгое определение понятия экономики обладает основополагающей важностью для всего экономического мышления в целом. В качестве того первого, что оно нам даст и что окажет решающее воздействие на ход дальнейших исследований, мы хотели бы отметить выте-

каюшие из него методологические выводы, а также следствия, имеющие важное значение для всей совокупности общественных наук.

Логико-методологическое значение строго выведенного понятия экономики заключается в том, что из понятия предмета какой-либо науки непосредственно следуют и основные характеристики используемых ею методов. Поскольку же понятие экономики наряду с ее подлинной сущностью должно прояснить также ее положение внутри общественной жизни, исходя из него можно будет определить и то отношение, в котором пребывают теория экономики и социология, а равно ответить на вопрос, в каком смысле теория экономики есть наука об обществе и как она относится ко всей совокупности социальных наук.

В таком случае важнейшая частная задача этого определения отношения экономики и общества состоит в том, чтобы вычленив экономику из тех присущих общественной жизни «потребностей», ради удовлетворения которых, собственно, и ведется хозяйство, осуществляется экономическая деятельность. Ведь при нашем нынешнем расплывчатом понятии экономики неясно даже то, какие — лишь телесные или также и духовные — потребности относятся к сфере экономики, а следовательно, и то, где эта сфера заканчивается и как мы можем отделить частные области общественной жизни от областей экономической деятельности.

Прояснение прежде всего именно этого имеющего значение для всей совокупности общественных наук отношения позволит нам исследовать методологические вопросы, вставшие перед теорией экономики с того момента, как историческое направление бросило вызов классической школе: какой метод — индукция или дедукция — пригоден для исследований в данной области; что является предметом нашей науки — лишь исторически определенная экономика (*ordre positif* («позитивный порядок») физиократов) или же свободная, самодвижущаяся экономика в ее изолированной, «абстрактной» форме (*ordre naturel* («естественный порядок»)); следует этот предмет рассматривать, руководствуясь идеей причинности или же каким-то иным, не определяемым данной идеей способом (в соответствии с понятием целостности, как нечто целеобусловленное, т. е. телеологически).

Кроме того, понятие экономики позволит нам отграничить теорию экономики от родственных ей областей знания. Ее строгое отграничение от психологии, технологии, теории ведения отдельного частнокапиталистического хозяйства методологически совершенно необ-

ходимо, но возможно лишь благодаря точному определению понятия экономики.

Однако строгое определение понятия экономики является основополагающим не только в том, что касается методологических проблем или вопросов, имеющих значение для всей совокупности общественных наук, но и непосредственно для самой национально-экономической теории. Исходя из этого определения мы должны вывести основные понятия экономической науки, причем так, чтобы они образовали умопостигаемую (дедуктивную) структуру. Из этих производных основных понятий следует выделить прежде всего понятия блага, труда и связанные с ними понятия производства и производительности. Но тем самым понятие экономики становится центральным пунктом не только учения об основных понятиях, но и всего того, что мы называем теорией, в особенности того, что прежде обозначалось, как правило, как теория производства.

Нам представляется излишним давать здесь подробный критический обзор прежних попыток определения понятия экономики. Остановимся лишь на некоторых из них, относящихся к концу XIX — первой трети XX в., когда дискуссии на эту тему велись особенно ожесточенно в Германии и Австрии (Австро-Венгрии). С тех пор в экономической теории мало что изменилось, несмотря на многочисленные Нобелевские премии в области экономики, полученные учеными разных стран, в особенности США.

Важнейшие из этих определений приведены в работе Альфреда Амона «Объект и основные понятия политэкономии»¹. Самую серьезную и никогда в полной мере не устранимую трудность создает полное или по крайней мере частичное смешение технического и экономического. Оно восходит к Ф. Кенэ, подлинному основоположнику теории экономики, признававшему «продуктивной», экономической в истинном смысле лишь ту деятельность, которая приводит к некоему первоначальному возникновению материальных благ, — изначальное производство. Если же в качестве источника и «мотора» всякой экономики рассматривается производство изначального сырья (которое затем в ходе промышленной обработки лишь отделяется, а в ходе торговой деятельности и в процессе транспортировки лишь меняет свое местоположение), то очевидно, что в этом случае техническая основа экономической деятельности, производство материала, смешив-

¹ *Амон А. Объект и Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Wien; Leipzig, 1911. S. 131–191.*

вается с собственно экономическими моментами. Адам Смит также еще не был в полной мере свободен от такого смешения (поскольку он рассматривал в качестве продуктивного лишь производство *постоянных* благ, обладающих меновой стоимостью), и лишь Д. Рикардо усматривал подлинный предмет теоретической политической экономии в товарно-денежных отношениях, в обмене, а следовательно, в эффективном распределении. Однако это осуществленное им более точное определение понятия не получило у его последователей непосредственного методологического развития. Напротив, благодаря Ж. Б. Сею (несмотря на то что он наряду с материальными выделял и нематериальные блага) материально-технические свойства благ вновь оказались выдвинутыми на первый план. Еще в большей степени этому способствовали К. Г. Рау², ограничивавший область благ вещественными благами, а также Е. Дюринг³ и др.

Позднее эту количественно-техническую точку зрения в той или иной форме поддерживали Э. Сакс, Г. Дитцель, Й. Шумпетер, Ф. фон Визер⁴, К. Вексель⁵. Но уже Ф. Ю. фон Нойманн, выступая против стремления ограничить сферу экономики вещественными благами, отмечал, что «присвоение определенных прав в такой степени стало сегодня экономической деятельностью, что иные отрасли экономики даже и состоят главным образом в присвоении прав»⁶ (как, например, банковское дело). Альфред Амонн с полным правом возражает сторонникам «вещественного подхода», что непосредственная цель экономической деятельности состоит сегодня в обладании деньгами. «В качестве непосредственных целей экономики рассматриваются абсолютно все средства удовлетворения потребностей, которые могут быть приобретены за деньги»⁷, а следовательно, и нематериальные средства; кроме того, никоим образом не доказано, что «именно вещественность средств удовлетворения потребностей порождает те универсальные отношения и проблемы, которые рассматриваются как специфически политэкономические»⁸.

² *Rau K. H. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Heidelberg, 1826. § 1.*

³ *Dühring E. Kursus der National- und Sozialökonomie. 3. Aufl. Leipzig, 1892.*

⁴ *Wieser F. Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft // Grundriß der Sozialökonomik. Bd 1. Tübingen, 1914. S. 156–158.*

⁵ *Wicksell K. Vorlesungen über Nationalökonomie auf Grundlage des Marginalprinzips. Bd 1. Jena, 1913. S. 2.*

⁶ *Neumann F. J. Grundlagen der Volkswirtschaftslehre. Tübingen, 1889. S. 11.*

⁷ *Amonn A. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. S. 83 f.*

⁸ *Ibid. S. 84.*

Вторая значительная трудность, возникающая при определении понятия экономики и для своего преодоления нуждающаяся в некоем, более точном понимании существа вопроса, состоит в том, что даже если материальный и технический аспекты в максимально возможной степени исключены из сущности и понятия экономики, сама экономическая деятельность не отделена от потребления, а средства или блага — от потребностей (целей). Включение же «потребления», т. е. акта использования чего-либо, в экономическую деятельность в конечном счете означает признание наличия в экономике некоего душевного аспекта и смешение экономики с психологией. Это выражается уже в том, что введенное Ж. Б. Сеем разделение экономической науки на теорию производства (которая никогда в полной мере не отделялась от технической сферы), теорию распределения и теорию потребления сохраняется даже у авторов, внесших наибольший вклад в познание сущности экономики.

Здесь в первую очередь следует отметить Карла Менгера, который, хотя и отмежевался от сведения экономики к материальному аспекту и определял ее как «деятельность, направленную на обеспечение удовлетворения потребностей»⁹, тем не менее не решался целиком и полностью исключить из нее потребление и душевный аспект. Менгеру принадлежит самое, на наш взгляд, четкое и полное из всех существующих до сих пор определений понятия экономики; он объявляет экономику 1) подчиненной условию, состоящему в том, что спрос всегда превышает количество доступных благ (недостаточность); далее, он понимает ее как стремление 2) распоряжаться каждой частью этого ограниченного количества благ, 3) сохранить их, 4) осуществлять выбор между удовлетворением более и менее важных потребностей, откачиваясь от удовлетворения последних, и, наконец, 5) как можно более успешно оперировать каждым имеющимся в наличии комплексом благ¹⁰. В этом определении, как никогда прежде, четко зафиксирован присущий понятию экономики аспект выбора и оценки; более того, в данном случае Менгер прямо-таки категорически отказывается признавать потребление экономическим актом¹¹. Однако потребность, «психологию» потребности он тем не менее относит к сфере экономики, а

⁹ *Menger C.* 1) *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre.* Wien, 1871. S. I, 35 u. ö.; 2) *Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere.* Leipzig, 1883. S. 232 u. ö. — Менгеру вторит и большинство позднейших исследователей.

¹⁰ *Menger C.* *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre.* S. 51–53.

¹¹ *Menger C.* *Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften...* S. 232.

ведь в таком случае последняя неизбежно становится теорией «потребления». Кроме того, поскольку в четвертом пункте данного определения к сфере экономики отнесен и выбор потребностей, понятие экономики связывается с потребностью (а следовательно, с потреблением и «психологией потребления»). В результате недостаточно четко подчеркивается инструментальный (т. е. связанный со средствами, а не с целями) характер экономической деятельности (и, соответственно, используемых в ней технических средств, благ). Прежде всего остается без ответа вопрос: что же, собственно, делает вещь средством? Вместо того чтобы дать единственно возможный ответ — целеобусловленность, свойство быть промежуточным этапом на пути к конечной цели, — Менгер в ходе исследования понятия блага отвечает на этот вопрос иначе: «каузальная релевантность»¹², что опять-таки означает возвращение к техническим аспектам, ибо в таком случае средство понимается не как средство (т. е. как предварительная ступень на пути к цели), а лишь в свете своих каузальных, т. е. физических и технических, качеств. Однако мы должны исключить из сферы экономики не только технические аспекты, но и все то, что связано с потреблением, с целью, а не со средством. Опасность для точного определения понятия «экономика» представляют как технические (в том, что касается вещественных благ), так и психологические (в том, что касается целей — потребления и потребностей) аспекты! Все представители школы предельной полезности оказались бессильны перед обеими этими опасностями. Так, например, Фридрих фон Визер назвал свой метод «психологическим»¹³, хотя и в ограниченном смысле. Но экономика ни в коей мере не связана с чем-либо техническим или психологическим; технический и психологический аспекты представляют собой лишь внешние вспомогательные моменты экономической деятельности.

Другая форма включения в понятие экономики психологического аспекта — известная «теория мотивации», развивавшаяся прежде всего Адольфом Вагнером и его многочисленными последователями, но также и некоторыми представителями исторической школы. Однако мотив и цель, понятия психологически, суть одно и то же, а следовательно, они представляют собой явления, которые не могут быть рассмотрены с экономической точки зрения и поняты посредством экономического способа образования понятий.

¹² *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. S. 3 u. o.

¹³ *Wieser F.* Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft. S. 132 ff.

Дать более объективное понятие экономики стремится В. Зомбарт, рассматривающий в качестве предмета теории национальной экономики «экономические системы» (их признаки: определенный экономический образ мыслей, определенная организация экономики и определенная техника)¹⁴. Однако Зомбарт оставляет без ответа вопрос, в какой мере технический аспект является составной частью экономики и насколько экономика ограничивается миром вещественных благ.

Понятие экономики, свободное как от психологических, так и от технических аспектов, хотя, к сожалению, недостаточно полно разработанное, дано в работе Андреаса Фойгта «Техническая экономика».

С трудностями в определении понятия экономики, создаваемыми включением в экономическую сферу технического и психологического аспектов, связан и тот факт, что до сих пор остались невыясненными как отношение социального и индивидуального моментов экономики, так и отношения между «чистой» (т. е. вытекающей из «своекорыстия») и эмпирической (т. е. обусловленной общественно-историческими обстоятельствами) экономиками. В этом обстоятельстве — источник методологических разногласий между двумя основными группами национально-экономических теоретиков. Если приверженцы абстрактной теории полагают, что предмет их науки — «чистая» экономика как порождение «своекорыстия», то представители реалистического направления видят объект своих исследований в реальной, эмпирической экономике как историческом и общественном образовании. Вследствие этого представители абстрактного направления упрекают «историков» в том, что у тех вообще нет никакой теоретической науки, тогда как приверженцы исторического направления утверждают, что абстрактное направление представляет собой лишь теорию товарно-денежных отношений, что оно видит предмет своей науки лишь в отношениях экономических субъектов, в обмене, и не уделяет должного внимания основополагающему для экономики индивидуальному хозяйству, в особенности производству; более того, даже эти сконструированные данным направлением отношения далеки от реальности, абстрактны и безжизненны.

Остроумную, хотя, впрочем, и безуспешную, попытку по возможности вообще не рассматривать понятие экономики в качестве

¹⁴ *Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Bd 1. 2. Aufl. München: Leipzig, 1916. S. 13, 21 ff.*

основного понятия экономической науки предпринял Ф. фон Готтль¹⁵. Альфред Амонн, напротив, конструктивно воспринял упреки сторонников теории товарно-денежных отношений, объявив, что предметом теоретического учения о национальной экономике могут быть лишь те *социальные* отношения, которые связаны с «определенными экономическими явлениями»¹⁶. «Политэкономия стремится стать социальной наукой... Поэтому объект ее исследования... должен обладать социальным характером...»¹⁷ По мнению Амонна, понятие экономики дано нам лишь в нашем обыденном языке и все попытки его научного определения останутся бесплодными; мы никогда не сможем огрешиться от всех технологических и психологических аспектов, заложенных в конструкции отдельного субъекта экономики, поэтому предметом политэкономии могут быть лишь «социальные отношения», связанные с фактами экономической деятельности¹⁸. «Следовательно, просто экономика сама по себе предмет теоретической политэкономии, а ее социальные проявления...»¹⁹, к которым относятся свободные товарно-денежные отношения экономических субъектов. «В науке... следует строго разграничивать... индивидуальную и социальную стороны экономики, в противном случае мы вообще не сможем построить политэкономии как теоретическую социальную науку»²⁰. Поэтому цена и ее формы, заработная и арендная плата, рента «представляют собой специфический и единственный объект теоретической политэкономии, а логическая связь с “экономическим критерием” более вообще не имеет никакого основания»²¹.

Если Дитцель ограничивался лишь тем, что объявлял лишенными значения всяческие споры по поводу определения понятий экономики и блага, то Амонн идет дальше и занимает принципиально скептическую позицию, *отвергая самое возмозможность определения понятия экономики, которое, по его мнению, есть не что иное, как технико-психологически-рациональная химера, лишенная какого бы то ни было внутреннего единства*. Этому в некотором роде даже вполне последо-

¹⁵ См.: *Gottl F.* Die Herrschaft des Wortes. Untersuchung zur Kritik des ökonomischen Denkens. Jena, 1901.

¹⁶ *Amonn A.* Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. S. 97 u. ff. — Нечто подобное есть и у Ф. фон Готтля.

¹⁷ *Ibid.* S. 37.

¹⁸ *Ibid.* S. 100.

¹⁹ *Ibid.* S. 102.

²⁰ *Ibid.* S. 104.

²¹ *Ibid.* S. 158 f., 170 ff.

нательному сомнению в возможности определения понятия экономики присуще верное с социологической точки зрения стремление рассматривать в качестве «социально значимых» не отдельных людей, а лишь их (еще не получившие должного определения) отношения. Однако такой подход не может быть применен к конкретной экономической системе. Ведь в таком случае все, что ныне объясняется теорией робинзоады, не было бы экономикой, его следовало бы отделить от товарно-денежных отношений робинзонов и сделать предметом некоей самостоятельной науки. Но какой? В действительности «социальные» или «товарно-денежные» отношения экономических субъектов понятия лишь как внутреннее, *логическое продолжение* целенаправленной индивидуальной экономической деятельности. Следовательно, понятие этой экономической деятельности вновь становится первым фундаментальным экономическим понятием.

Какого-либо родового, методологически обоснованного различия между товарно-денежной деятельностью и тем, что ей предшествует, не существует. Об этом же свидетельствует и реальный понятийный аппарат экономической науки. Предельная полезность, стоимость, капитал (по крайней мере если он понимается как «круговорот производства»), «концентрированный труд»), производительность, а прежде всего понятие блага — все эти и многие другие понятия незаменимы в теории цен, и в то же время они суть понятия экономики изолированного хозяйства. Следовательно, все элементы понятий теории товарно-денежных отношений сводимы к основным отношениям теории робинзоады, ибо каждое экономическое *товарно-денежное отношение* может пониматься также и как индивидуальное экономическое действие (и наоборот, индивидуальное хозяйство в своем внутреннем строении есть насквозь социальное хозяйство, «внутренний обмен», ибо оно построено из структурных элементов определенной целостности). Так, понятие предельного покупателя невозможно постичь без понятия индивидуальной предельной полезности, понятие дохода с капиталом — без понятия предельной производительности капитала и, соответственно, понятия производительности вообще и понятия капитала, а оба эти понятия конструируются в соответствии с теорией робинзоады; разумеется, кризис представляет собой чисто социальное явление, но кризис, согласно традиционной формуле, невозможен без нарушений соотношения «производство — потребление» (вернее, без нарушения соотношения всех способов производства, т. е. нарушения целесообразной структуры средств), а это нарушение опять-таки в равной мере относится и к индивидуальной и к товарно-денежной

экономике. Следовательно, и в индивидуальной и в товарно-денежной экономике мы обнаруживаем в конечном счете один и тот же вид фундаментальных отношений; и в теории производства и в теории цен мы имеем дело с понятиями одного и того же рода. Они различаются лишь своим иерархическим уровнем и отдельными нюансами, но отрывать их друг от друга и противопоставлять друг другу абсурдно.

Этот краткий обзор показывает нам, во-первых, те трудности и противоречия, с которыми мы должны справиться при определении понятия экономики, а во-вторых, те различные элементы, которые содержатся в этом понятии и которые выдвигаются на передний план различными теоретическими построениями. Прежде всего мы должны выделить смешение собственно экономических аспектов сначала с материальными (техническими), а затем с психологическими аспектами, затем — смешение экономики как таковой с исторически-эмпирической целостностью общества и, наконец, разделение или соединение индивидуальной и товарно-денежной экономик, что мы отметили в качестве главной трудности, сопровождающей определение понятия экономики.